

Непростое объединение Ботанического сада и Ботанического музея в Ботанический институт

Д.В. ГЕЛЬТМАН

Ботанический институт им. В.Л. Комарова, Санкт-Петербург, Россия;
geltman@binran.ru

Ботанический институт им. В. Л. Комарова АН СССР был создан в 1931 г. в результате объединения Ботанического сада АН СССР и Ботанического музея АН СССР — учреждений, имевших собственную длительную историю и традиции. В статье рассматриваются детали процесса этого объединения, вводится в научный оборот ряд источников. Анализ документов показывает, что раздельное существование сада и музея вполне устраивало большую часть научных сотрудников этих учреждений и лишь немногие поддерживали идею их полного слияния — такую точку зрения наиболее последовательно отстаивал только В.П. Савич. На короткое время (1930 — начало 1931 г.) возобладала точка зрения, что следует создать некую ассоциацию ботанических учреждений, но они должны сохранить бюджетную самостоятельность и остаться на своих исторических местах. Однако (скорее всего, не без давления «сверху») было принято решение о полном слиянии Ботанического сада и Ботанического музея, которое в итоге оказалось оправданным.

Ключевые слова: Ботанический институт им. В.Л. Комарова, Ботанический сад, Ботанический музей, Академия наук СССР, реорганизация.

Общеизвестно, что Ботанический институт им. В.Л. Комарова Российской академии наук (БИН РАН) в своем нынешнем статусе был создан в 1931 г. как Ботанический институт АН СССР в результате объединения Ботанического сада АН СССР и Ботанического музея АН СССР (Келлер, 1934; От Аптекарского огорода... 1957; Федоров, 1964; Липшиц, Васильченко, 1968 и др.). Однако сам процесс этого объединения и события, ему предшествовавшие, историками науки детально не рассматривались. Цель настоящей статьи — в какой-то мере восполнить этот пробел.

Ботанический сад и Ботанический музей

С 1823 по 1931 г. в Санкт-Петербурге—Петрограде—Ленинграде существовали два крупных ботанических учреждения: Ботанический сад (на Аптекарском острове) и Ботанический музей (на Васильевском острове).

Ботанический сад вёл свою историю от Аптекарского огорода, основанного в 1714 г. по указу Петра I¹. В XVIII в. назывался также Аптекарским садом и Медицинским садом, в начале XIX в. стал Ботаническим садом Медико-хирургической

¹ Датой основания Аптекарского огорода считается 11 февраля 1714 г. (по старому стилю), что подтверждается записью о соответствующем указе Петра I в документах Медицинской канцелярии за 1739 г. (см. подробнее: Липский, 1913). Возможно, Аптекарский огород существовал и ранее, уже в 1713 г. но это пока не подтверждается документально. К сожалению, основные документы Медицинской канцелярии были уничтожены

академии² (ныне — Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова). В 1823 г. на его основе был создан Императорский ботанический сад³, который сначала подчинялся Министерству внутренних дел, с 1830 г. — Министерству императорского двора, а с 1863 г. — Министерству государственных имуществ⁴. В 1907–1908 гг. обсуждался вопрос о передаче сада в ведение Академии наук, что, однако, вызвало резкий протест его руководства и сотрудников (Вага, 1959). С 1918 г. именовался Главным ботаническим садом РСФСР, с 1925 г. — Главным ботаническим садом СССР, входил в систему Народного комиссариата земледелия РСФСР. В 1930 г. он был передан в подчинение Академии наук СССР⁵.

К концу 1920-х гг. сад представлял собой многопрофильное ботаническое учреждение, в состав которого, согласно положению 1927 г. (Положение... 1927) входили следующие отделы: живых растений, Гербарий (отдел систематики и географии растений), споровых растений, физиологии растений, фитопатологии, семеноведения, акклиматизации, геоботаники, микробиологии, а также музей и библиотека⁶. В саду работали около 70 научных и 50 научно-технических работников, порядка 150 садовников и рабочих.

С марта 1917 по январь 1930 г. директором сада был Б.Л. Исаченко⁷; после него во главе сада некоторое время стоял Д.В. Васильев⁸. 2 октября 1930 г., уже после передачи сада

при пожаре в 1737 г., что затрудняет точное определение даты создания Аптекарского огорода и изучение его ранней истории.

² Есть основания полагать, что фактически сад использовался как учебное учреждение Медико-хирургической академии с момента ее основания в 1798 г., однако документы об этом нам неизвестны, к тому же и сама академия до 1806 г. не имела специального документа, регулирующего её деятельность. В первом «Положении для Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии», утверждённом в 1806 г. Ботанический сад числится среди «разных учебных пособий», принадлежащих академии. В 1808 г. академия становится императорской и получает детальный Устав; в его § 7 указано, что «академии, по обоим отделениям, принадлежат: <...> два ботанических сада» (т. е. в Санкт-Петербурге и Москве) (Приложения к истории... 1898, с. 29, 34).

³ Высочайше утверждённый доклад управляющим Министерством внутренних дел «Об устройстве Ботанического сада на Аптекарском острове, с наименованием его Императорским» от 22 марта 1823 г. (Полное собрание законов Российской Империи. Т. 38. № 39.377).

⁴ Министерство государственных имуществ было учреждено в 1837 г. и в числе прочего ведало вопросами сельского хозяйства. В 1894 г. оно было преобразовано в Министерство земледелия и государственных имуществ, в 1906 г. — в Главное управление землеустройства и земледелия, в 1915 г. — в Министерство земледелия.

⁵ Об истории сада см. подробнее: Траутфеттер, 1873; Липский, 1913; Бобров, 1957а; Липшиц, Васильченко, 1968.

⁶ Отдел микробиологии фактически не работал. Отдел акклиматизации представлял собой отделение сада на Выборгской стороне — бывший «Помологический сад д-ра Э.Л. Регеля и Я. Кессельринга» (см. о нём: Федотова, 2011).

⁷ Исаченко Борис Лаврентьевич (1871–1948) — ботаник, микробиолог, специалист по биологии семян. Директор Главного ботанического сада РСФСР (СССР) в 1917–1930 гг. Подробнее о нём: Мишустин, 1949; Борис Лаврентьевич Исаченко, 1951.

⁸ Васильев Дмитрий Васильевич (1885–?) — директор Ботанического сада в феврале–декабре 1930 г., помощник директора по хозяйственной части в январе–сентябре 1931 г. Трудовую деятельность начал чернорабочим. В 1907–1910 гг. — на действительной военной службе, в 1914–1917 гг. — на фронтах Первой мировой войны, в 1919–1921 гг. — в Красной Армии. Член партии большевиков с 1918 г. В 1917–1919 гг. и 1921–1929 гг. — на советской

в Академию наук директором был избран Б.А. Келлер⁹, незадолго до этого вступивший в ВКП(б) и оказавшийся в числе первой группы академиков — членов партии. Однако к делам он приступил только 1 февраля 1931 г.¹⁰, после избрания действительным членом АН СССР. Следует отметить, что В.Л. Комаров¹¹, во второй половине 1920-х гг. сделавший стремительную карьеру в Академии наук, был заведующим отделом живых растений сада, одно время — помощником (заместителем) директора, но директором не стал.

История Ботанического музея Академии наук восходит к коллекциям Кунсткамеры. Их ботаническая часть (сравнительно небольшая, уцелевшая после пожаров и наводнений XVIII в.) в 1824 г. (возможно, в 1823 г.) была выделена в самостоятельную единицу, что традиционно считается датой созданием Ботанического музея Императорской Академии наук, хотя соответствующий официальный документ до сих пор не найден¹². До 1900 г. штат музея был ограничен академиком по ботанике и 1–2 хранителями. Надо отметить, что экспозиции, открытой для публики, в музее на Васильевском острове никогда не было, она была как раз в Ботаническом саду, который имел свой музей, открытый для посетителей (Рупрехт, 1864; Бородин, 1917; Ботанический музей, 1925; Бобров, 1957б).

работе, в основном в земельных комитетах и учреждениях Народного комиссариата земледелия. В сентябре 1931 г. отозван в распоряжение Петроградского райкома ВКП(б). (СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 3. Д. 32). Дальнейшая его судьба нам пока неизвестна.

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1 (1930). Д. 254. Л. 45. Келлер Борис Александрович (1874–1945) — геоботаник, эколог, почвовед. В описываемый период — директор Ботанического сада АН СССР (1930–1931), затем — директор Ботанического института АН СССР (1931–1937). Подробнее о нём: Лейсле, 1949; Борис Александрович... 1946.

¹⁰ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1931). Д. 82. Л. 44.

¹¹ Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — флорист, систематик, ботанико-географ, организатор науки. В описываемый период — и. о. неперемного секретаря (1929–1930) и вице-президент (1930–1936) АН СССР, заведующий отделом живых растений Ботанического сада (1918–1931), директор Ботанического музея АН СССР (1930–1931). Подробнее см.: Ильинский, 1944; Владимир Леонтьевич... 1946; Липшиц, 1972; Савина, 2005 и др.

¹² Скорее всего, его и не было. 1824 г. как год основания Ботанического музея приводит Рупрехт (1864). В целом до конца 1820-х гг. в протоколах заседаний Академии наук выражение «Ботанический музей» не встречается, равно как и другие коллекции Академии не называются музеями. По мнению А.В. Смирнова, первое упоминание об отдельном помещении для ботанических коллекций и книг было сделано в заседании Конференции 25 мая 1825 г.: «Mr. l'Académicien Trinius représenta à la Conférence parécrit la nécessité d'assigner aux herbiers de l'Academie, qui se trouvent entassés pèle-mêle dans un coin du grénier de la maison académique, un local convenable et asez spacieux pour recevoir les accroisseinens succesoifs de plantes sêches que la collection pourra acquèrir par la suite». Триниус также просил переместить в это же помещение книги по ботанике из академической библиотеки. Просьба была сочтена справедливой, и Конференция вынесла резолюцию поручить администрации выделить место для гербария (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 36. Л. 52–52 об.). Пока самым ранним упоминанием в документах Академии наук самостоятельного музея является отчёт академика Петра Андреевича Загорского (1764–1846) от 12 ноября 1828 г. о состоянии Анатомического музея (Летопись... т. 2, 2002, с. 206). В заседании 10 марта 1830 г. впервые упомянуто выражение «Ботанический музей», когда речь идёт о консерваторе Ботанического музея (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 43. Л. 40; Смирнов, 2011).

Только с начала XX в. благодаря деятельности С.И. Коржинского¹³, а особенно И.П. Бородина¹⁴ число сотрудников музея заметно выросло¹⁵. К концу 1920-х гг. в нём работало около 20 человек, включая 10–12 научных сотрудников — систематиков (высших и низших растений) и геоботаников, а также технический и административный персонал. Директором музея с 1902 г. был И.П. Бородин, а после его смерти 5 марта 1930 г. эту должность занял В.Л. Комаров, сохранивший и заведование отделом живых растений Ботанического сада.

В XIX — начале XX в. оба учреждения внесли большой вклад в познание флоры России и зарубежных стран, в них были накоплены ценнейшие ботанические коллекции. Во взаимоотношениях сада и музея были элементы как сотрудничества, так и конкуренции. Нередко ботаники работали в двух учреждениях, например Ф.И. Рупрехт (директор музея в 1855–1870 гг.) был в 1851–1855 гг. помощником директора сада, а в 1867–1870 гг. — членом его совета. К.И. Максимович (директор музея в 1870–1891 гг.) в 1869–1891 гг. был главным ботаником сада (ранее — консерватором)¹⁶. В начале XX в. оба учреждения предприняли издание крупных сводок, задачи которых в известной мере пересекались: сад готовил «Флору Азиатской России», музей — «Флору Сибири и Дальнего Востока». Издание обеих «Флор» шло медленно, и в итоге ни та, ни другая не были завершены. Было издано 13 выпусков «Флоры Азиатской России»¹⁷ и 6 — «Флоры Сибири и Дальнего Востока»¹⁸.

Объединение или координация деятельности?

Поскольку параллелизм в работе Ботанического сада и Ботанического музея был очевиден, обсуждение вопросов о координации их деятельности и даже возможном объединении коллекций началось вскоре после окончания Гражданской войны, когда новая власть начала проводить инвентаризацию доставшихся ей научных учреждений. В конце октября 1924 г. Всесоюзный центральный исполнительный Комитет (ВЦИК), рассматривая список научных учреждений, имеющих общесоюзное значение, предложил включить в такой список и Главный ботанический сад. В связи с этим Народный комиссариат просвещения, в ведении которого находились научные учреждения, в том числе и Академия наук, посчитал, что «Ботанический сад с его музеем и гербарием необхо-

¹³ Коржинский Сергей Иванович (1861–1900) — флорист, систематик, ботанико-географ. Главный ботаник Императорского ботанического сада (1892–1899), директор Ботанического музея Академии наук (1896–1890). Подробнее: Воронов, 1961, Сытин, Федотова, 2011.

¹⁴ Бородин Иван Парфеньевич (1847–1930) — ботаник, физиолог, анатом, систематик, общественный деятель. Директор Ботанического музея Академии наук (1902–1930). Подробнее о нём см.: Маноиленко, 2005.

¹⁵ Об увеличении штатов Ботанического музея, происходившем наряду с общим ростом требований к ботаникам в начале XX в., см.: Федотова, 2007.

¹⁶ Максимович Карл Иванович (1827–1891) — ботаник, путешественник, исследователь Восточной Азии. Подробнее о нём: Грубов, 1991.

¹⁷ Ещё 3 выпуска было издано в рамках новой серии «Флора России, издаваемая Главным ботаническим садом. Сер. 1. Флора Азиатской России».

¹⁸ Флора Сибири и Дальнего Востока, издаваемая Ботаническим музеем Академии наук. Вып. 1–6. СПб. / Пг. / Л., 1913–1931.

димо слить с музеем и гербарием при Академии наук и передать в ведение Наркомпроса». Организационный отдел ВЦИК запросил мнение Ленинградского губисполкома, а Ленинградское отделение Главнауки¹⁹ (подразделение Наркомпроса) — Академию наук²⁰.

Академия ответила, что данный «внезапно поднявшийся вопрос <...> требует для правильного разрешения указания тех форм, в которых могло бы без ущерба для работы обоих учреждений совершиться их объединение». Предлагалось создать при академии особый комитет из представителей сада и музея, а также других заинтересованных организаций, который бы ведал научной стороной деятельности обоих учреждений. Отмечалось, что «слияние в настоящее время обоих гербариев в один не вызывается, с одной стороны, никакой необходимостью, а с другой — фактически невозможно, т. к. ни в Ботаническом саду, ни в Академии нет помещений, которые смогли бы поместить объединенные гербарии»²¹. Этот вопрос обсуждался 29 октября 1924 г. на собрании Отделения физико-математических наук²².

Судя по дальнейшему развитию событий, точка зрения Академии наук была принята, так как Главнаука предлагала создать упомянутый особый комитет²³, а Отделение физико-математических наук на заседании 4 марта 1925 г. приняло решение образовать для проведения в жизнь этого вопроса особую комиссию²⁴.

Вопрос об объединении сада и музея был снова поднят в начале 1928 г., когда Постановлением Совета народных комиссаров СССР от 13 марта 1928 г. о составе научных учреждений АН СССР Академии наук было предложено представить Совнаркому свои соображения о целесообразности объединения Ботанического музея Академии наук с Главным ботаническим садом²⁵. Скорее всего, в связи с реализацией этого постановления, для комиссии Академии наук по вопросу о новых учреждениях академии и о положениях для академических учреждений в апреле 1928 г. (точная дата не указана) был подготовлен специальный документ «О параллелизме в деятельности Ботанического музея Академии наук и Главного ботанического сада»²⁶ (см. прил. 1). Поскольку в решении указанной комиссии записано «по вопросу о Ботаническом саду и Ботаническом музее просить академиков И.П. Бородина и В.Л. Комарова образовать соответствующую комиссию для доклада затем в ФМО»²⁷, возможно, они и были его авторами.

В документе рассмотрены доводы «за» и «против» объединения гербарных коллекций сада и музея. Среди доводов «за» основными были разделение коллекций, необходимость для приезжающих ботаников посещать два гербария в разных концах города, получение одинаковых дублетов обоими учреждениями, наконец, отсутствие координации научной деятельности. Среди доводов «против» основным была названа угроза всем коллекциями при какой-либо катастрофе в случае их перемещения в одно здание, а также ряд соображений «персонального характера», как дипломатично сказано в документе. Делался вывод, что объединенное учреждение, которое должно заниматься

¹⁹ Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР.

²⁰ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1924). Д. 29. Л. 5–7.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1924). Д. 1. Л. 491.

²² Известия Российской Академии наук. Сер. VI. 1924. Т. 18. С. 606.

²³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 2 (1925). Д. 15. Л. 4.

²⁴ Известия Академии наук СССР. Сер. VI. 1925. Т. 19. С. 913.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1928). Д. 40. Л. 4–5.

²⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 111. Л. 2–7.

²⁷ Там же. Л. 1.

вопросами систематики и географии растений, должно войти в состав Академии наук, при этом вхождение в его состав других отделов Ботанического сада, не связанных с гербарными коллекциями, не рассматривалось.

Авторы документа, склоняясь к идее объединения (в предложенной ими форме), ставили вопрос о его своевременности, в том числе о возможности найти место для объединенных коллекций. Отмечалось, что здание гербария сада может вместить значительно больше коллекций, если будет возможно перевести библиотеку, занимающую первый этаж, в другое помещение. Без выполнения этого условия объединение проводить не рекомендовалось. Забегая вперед, отметим, что в итоге объединение произошло без вывода библиотеки; более того, помещения гербария и библиотеки не расширены до сих пор.

Выводы, содержащиеся в этом документе (в ещё более осторожной форме), были положены в основу письма неперменного секретаря академии в Совнарком, подготовленном в мае 1928 г.²⁸ Академия опять не поддержала идею объединения (хотя признавала параллелизм в деятельности гербарных коллекций сада и музея) и предлагала: (1) передать Главный ботанический сад из ведения Наркомзема РСФСР в прямое подчинение Совнаркома СССР, (2) для объединения научной деятельности сада с академией создать специальный комитет, (3) Ботанический музей преобразовать в Лабораторию систематики и морфологии растений, (4) передать часть коллекций музея, имеющую чисто музейное значение, в сад. Немедленного объединения опять удалось избежать.

В 1928–1930 гг. Академии наук пришлось столкнуться со всё более возрастающим давлением властей, затрагивавшим самые различные аспекты её деятельности — от персонального состава до направлений исследований и их практической значимости (Колчинский, 2003). Детальный анализ этих событий выходит за рамки данной работы. Следует, однако, отметить, что Ботанический музей, в котором, конечно, уже наблюдались элементы «советизации», по-видимому, был затронут этим давлением не столь уж значительно, по крайней мере, не в такой степени, как, например, Зоологический музей, где директор А.А. Бялыницкий-Бируля был вынужден покинуть свой пост, а затем был арестован и осуждён по «академическому делу»²⁹. Во всяком случае, нам пока неизвестны материалы, где бы под объединение сада и музея подводилась какая-либо идеологическая база.

С 1926 г. стал обсуждаться вопрос о передаче Ботанического сада от Народного комиссариата земледелия в ведомство, более подходящее по профилю. В итоге он был передан в Академию наук СССР, но, судя по всему, были и другие варианты. Так, В.Л. Комаров на заседании совета сада 8 марта 1930 г. отмечал, что «мы еще не знаем, к какому ведомству нас отнесут»³⁰. По-видимому, рассматривалась и возможность передачи сада в ведение Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), во всяком случае, на отчётном партийном собрании сада 25 апреля 1930 г. отмечалось что «со стороны коллектива партии много было уделено внимания и усилий в вопросе присоединения Ботсада к Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина»³¹; соответствующий

²⁸ СПФ АРАН. Оп. 1 (1928). Д. 140. Л. 42–45. Не вполне ясно, было ли это письмо отправлено.

²⁹ См.: Слепкина, 2008; о Бируле см. также: Сухова, 2014.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 6.

³¹ Центральный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 393. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

вопрос (с какой академией надо было «сливаться») был задан в 1933 г. В.П. Савичу³² — заместителю директора уже объединенного Ботанического института во время собрания по проведению чистки партии³³. В 1926 г. Главный ботанический сад СССР в связи с проверкой, проводимой Рабоче-Крестьянской инспекцией, запрашивал Государственный институт опытной агрономии (ГИОА)³⁴ о связях сада с сельскохозяйственными учреждениями и возможных вариантах своей ведомственной принадлежности. В ответах, подписанных А.А. Ячевским³⁵ и К.А. Фляксбергером³⁶, отмечалось, что наилучшим вариантом является присоединение сада к АН СССР³⁷. Такая рекомендация в итоге и была дана по результатам этой проверки (Научная хроника, 1927).

Ботанический сад был передан в ведение Академии наук решением Совета народных комиссаров РСФСР от 15 мая 1930 г.³⁸ После этого то, что сад и музей должны быть каким-то образом объединены, принципиальных возражений ни у кого не вызвало. Вопрос стоял о форме такого объединения. На короткое время (1930 — начало 1931 г.) возобладала точка зрения, что следует создать некую ассоциацию ботанических учреждений, но они должны сохранить бюджетную самостоятельность и остаться на своих исторических местах.

4 апреля 1930 г. общее собрание Академии наук утвердило новую структуру учреждений, в которой появился и такой уровень объединения, как «институт». Его смысл был совсем иной, чем сейчас. Это была ассоциация, призванная координировать работу входящих в неё учреждений. Был создан и Ботанический институт (БИН) в составе Ботанического музея, Ботанического сада (с пометкой «в случае передачи его в АН») и Лесного музея³⁹. Позже в состав института вошла ещё и Лаборатория биохимии и физиологии

³² Савич Всеволод Павлович (1885—1972) — специалист по низшим растения, преимущественно лишайнологу. В описываемый период — учёный секретарь Ботанического сада, в 1932—1937 гг. — заместитель директора Ботанического института. Подробнее о нём см.: Голлербах, Полянский (1955); Голубкова (1972).

³³ ЦГАИПД СПб. Ф. 393. Оп. 1. Д. 35. Л. 52—54.

³⁴ Создан в 1922 г. на базе Сельскохозяйственного учёного комитета Народного комиссариата земледелия (СХУК, в дореволюционный период — Учёный комитет сельскохозяйственного ведомства). В течение 1920-х гг. почти каждый из отделов ГИОА претерпел несколько преобразований и к 1930 г. на их базе была создана ВАСХНИЛ (см.: Гончаров, 2012). Вопрос о создании ВАСХНИЛ на базе структур СХУК остается малоизученным, хотя некоторые сведения об этих преобразованиях обобщены Э.И. Колчинским и А.А. Федотовой в словаре «Биология в Санкт-Петербурге» (2011). Источники о преобразовании ГИОА в ВАСХНИЛ см. также: Р.Э. Регель... 2012.

³⁵ Ячевский Артур Артурович (1863—1932) — миколог, фитопатолог. В описываемый период — руководитель Отдела микологии и фитопатологии ГИОА, позже вошедших в состав Всесоюзного института защиты растений. Являлся также председателем ботанической секции Госплана. Подробнее о нём см.: Горленко, 1953; Артур Артурович... 1964.

³⁶ Фляксбергер Константин Андреевич (1880—1942) — специалист по культурным растениям. В описываемый период — сотрудник Всесоюзного института прикладной ботаники и новых культур (позже — Всесоюзного института растениеводства). Подробнее о нём см.: Руденко, 1981; Гончаров, 2013.

³⁷ Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга. Ф. 179. Оп. 1—1. Д. 478. Л. 5—7, 10. В данный момент нами обнаружено только два ответа на запрос, который был разослан как минимум в пяти копиях.

³⁸ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 144. Л. 15.

³⁹ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 (1930). Д. 254. Л. 18.

растений (ЛАБИФР)⁴⁰, а Лесной музей⁴¹ как составная часть БИНа уже не упоминался. Директором этого БИНа был назначен В.Л. Комаров, секретарем — Б.К. Шишкин⁴², административную поддержку осуществлял Ботанический музей.

Скорее всего, решение о создании такого объединения долгое время оставалось на бумаге, так как лишь в декабре 1930 г. началась переписка о создании его учёного совета⁴³. Неизвестно, собирался ли этот совет хотя бы раз. По-видимому, реально функционировало Бюро БИНа в составе В.Л. Комарова, Б.А. Келлера и Б.К. Шишкина. Во всяком случае, именно этот орган 19 января 1931 г. обсуждал вопрос о созыве конференции геоботаников и флористов и обращался в АН СССР с соответствующей просьбой⁴⁴.

В октябре—ноябре 1930 г. был проведён ряд совещаний, посвящённых координации работ Ботанического сада и Ботанического музея⁴⁵. Так, из протокола заседания комиссии по данному вопросу, состоявшегося 27 октября 1930 г.⁴⁶ (прил. 2), видно, что большинство её членов придерживалось точки зрения о необходимости продолжения раздельного существования сада и музея, возможно, лишь с некоторым изменением тематики и перераспределением штата. «Ботанический институт» упоминался только как некое объединение трех учреждений. В качестве мер по координации, например, предлагалось передать музей Ботанического сада в состав Ботанического музея и создать экспозицию на территории последнего (где ее никогда не было), сконцентрировать в музее всю геоботанику (или даже создать отдельный геоботанический институт), а изучение низших растений — в саду, и т.п. Создается впечатление, что участники совещания стремились найти варианты каких-то ритуальных действий, которые удовлетворили бы вышестоящие органы, но при этом все бы осталось на своих местах. Сторонники полного слияния сада и музея были в явном меньшинстве, такую точку зрения на упомянутом совещании последовательно отстаивал только В.П. Савич — тогда учёный секретарь Ботанического сада⁴⁷.

На другом совещании, посвящённом координации работ в области систематики и геоботаники, состоявшемся 30 октября — 1 ноября 1930 г., были достигнуты договорённости о передаче части гербария Ботанического музея в Ботанический сад, при

⁴⁰ Основана в 1890 г. как Лаборатория по анатомии и физиологии растений Академии наук. С 1925 г. — Лаборатория биологии и физиологии растений АН СССР, в 1934 г. переведена в Москву и преобразована в Институт физиологии растений АН СССР.

⁴¹ Лесной музей создан в 1920 г. при Промышленно-географическом отделении Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС). В 1930 г. на его основе образован Институт по изучению леса АН СССР, который в 1933 г. был ликвидирован.

⁴² Шишкин Борис Константинович (1886—1963) — систематик, флорист. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея, позже — директор Ботанического института (1938—1949). Подробнее: Яковлев, Смирнов, 1963; Грубов, 1987.

⁴³ СПФ АРАН. Ф. 151. Оп. 1. Д. 702. Л. 58, 83.

⁴⁴ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Ед хр. 24. Л. 33.

⁴⁵ В записке, посвящённой работе Ботанического института, В.П. Савич отмечал, что с созывом совещания руководство Ботанического музея специально тянуло до отъезда директора Ботанического сада в отпуск (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 1).

⁴⁶ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 4—7.

⁴⁷ В Ботаническом музее, по мнению Савича, «только три человека <...> имеют мужество высказываться за полное слияние с садом: ученый секретарь А.И. Толмачев, ст. ботаник проф. В.Г. Траншель и ботаник [Л.М.] Савич-Любичкая» (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3).

этом отдельные коллекции, по крайней мере справочного характера, в Ботаническом музее сохранялись⁴⁸. В ноябре—декабре 1930 г. геоботаниками Ботанического музея был подготовлен детальный проект самостоятельного Геоботанического института, который предусматривал концентрацию в нем геоботаников как музея, так и сада; в его структуре предполагалось наличие не только собственно геоботанических подразделений, но и гербария⁴⁹. Этот проект встретил резкое возражение в Ботаническом саду, в том числе среди его геоботаников⁵⁰ (в саду работали Н.И. Кузнецов, О.С. Полянская, Н.М. Савич, О.А. Смирнова, Ю.Д. Цинзерлинг, А.П. Шенников, Е.В. Шифферс).

По-видимому, в феврале—марте 1931 г. «Ботанический институт» был заменен Ботанической ассоциацией (БАС). Документов о принятии этого решения пока не обнаружено, но в протоколе заседания Отделения математических и естественных наук Академии наук от 1 марта 1931 г., наряду с биологической и зоологической, упомянута и ботаническая ассоциация⁵¹.

Как уже отмечалось, наиболее последовательно идею о полном слиянии сада и музея отстаивал В.П. Савич. Он отмечал, что после принятия принципиального решения о передаче Ботанического сада в АН СССР «сад немедленно начал подготовку к реорганизации, не мысля ее в другой плоскости как полное слияние с Ботаническим музеем, так как иначе отпадал бы главный аргумент за соединение сада с академией»⁵². Сотрудниками Ботанического сада был подготовлен проект положения о Ботаническом институте и Ботаническом саду при АН СССР (БИБС)⁵³. По словам Савича, в подготовке этого документа участвовали и представители музея, многие высказывались за объединение, а его противники молчали, «так как в таком совещании их легко было разбить»; за объединение тогда высказывался и В.Л. Комаров. Проект о создании БИБСа был отослан в Совнарком и ВЦИК «перед самой передачей сада в АН», то есть в апреле 1930 г.⁵⁴ Ответа сад не получил, а вместо него появилось решение о «Ботаническом институте». По мнению Савича, «под видом объединения на самом деле сохранялся старый порядок во имя "спасения учреждения"»⁵⁵.

На пути к объединению

Предложения о полном слиянии сада и музея обсуждались на первой конференции геоботаников и флористов в феврале—марте 1931 г. и были ею поддержаны. Это дало основание Ботаническому саду разработать новый проект слияния учреждений и обратиться в Академию наук СССР с просьбой рассмотреть этот вопрос на общем собрании (прил. 3)⁵⁶. Интересно, что авторы этого документа Б.А. Келлер и В.П. Савич ссылаются на некий план В.Л. Комарова от 21 апреля 1930 г. о полном объединении

⁴⁸ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 11—12.

⁴⁹ Там же. Л. 16—22.

⁵⁰ Там же. Л. 23—26.

⁵¹ СПФ АРАН. Ф. 72. Оп. 1. Д. 24. Л. 31

⁵² Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁵³ Там же. Ф. 273. Оп. 22. Д. 30. Л. 27—29.

⁵⁴ Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 5. Л. 51.

сада и музея. К сожалению, этот документ пока не обнаружен⁵⁷, хотя можно предположить, что имеется в виду упомянутый выше проект о создании БИБС, который первоначально поддерживался Комаровым. Скорее всего, Комаров действительно ранее одобрял такой план, рассчитывая встать во главе Ботанического сада и затем — объединенного учреждения, но изменил свою точку зрения после того, как директором Ботанического сада стал Б.А. Келлер⁵⁸.

Проект объединения, судя по всему, был встречен настороженно, о чём свидетельствует конфликт на заседании Биологической группы академии 31 марта 1931 г. Директор Ботанического сада Б.А. Келлер начал зачитывать план работы своего учреждения, отметив, что он составлен с учетом того, что сад объединяется с Ботаническим музеем. Это вызвало возражения В.Л. Комарова, который заявил, что этот вопрос ещё не обсуждался Ботанической ассоциацией. После этого Келлер прекратил зачитывать документ. Несмотря на указания В.Л. Комарова, Н.А. Буша⁵⁹ и Н.И. Вавилова⁶⁰, что план сада следует зачитать, Келлер отказался это сделать и заявил, что план без учёта реорганизации ботанических учреждений не может быть доложен. В итоге по предложению Вавилова и Е.М. Пружанской⁶¹ (секретаря Биологической группы) было решено собрать 1 апреля комиссию для рассмотрения проекта реорганизации ботанических учреждений⁶².

Каких-либо документов этой комиссии пока не обнаружено. Однако ясно, что в середине апреля произошел некий перелом, скорее всего, не без влияния вышестоящих

⁵⁷ А.В. Кольцов (1972, с. 19) отмечает, что мысль об объединении сада и музея «получила обоснование в записке академика В.Л. Комарова, составленной в апреле 1930 г.», ссылаясь на СПФ АРАН (Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 5. Л. 51). Однако в указанном деле находится документ, приведённый здесь в приложении 3, а не сам план Комарова или какая-либо его записка.

⁵⁸ Савич так описывал роль В.Л. Комарова в происходящих событиях: «За кулисами шла большая подготовка и нажим на академика Комарова, легко поддающегося воздействию при сильном нажиме, да и, кроме того, выяснилось желание сада иметь директором партийца и, во всяком случае, не академика Комарова, негодного в директора саду, где нужен сильный товарищ и объективно смотрящий на вещи, а не сильно личный в административном отношении работник, каким является ак[адемик] Комаров. Последнее обстоятельство тоже сыграло свою роль, так как ни для кого не секрет, что акад. Комаров всегда стремился быть директором сада и еще ранее был конкурентом бывшего директора Исаченко. Вот из желания сохранить за собой руководство садом и также в своих руках ботаническое учреждение и был им придуман проект нового Ботанического института, воспользовавшись общей тенденцией АН объединять свои лаборатории и музеи в институты» (Архив БИН РАН, Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3).

⁵⁹ Буш Николай Адольфович (1869–1941) — систематик, флорист, исследователь растительного мира Кавказа. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея, член-корреспондент Академии наук. Подробнее о нём см.: Шенников, 1952, Корчагин, 1969.

⁶⁰ Вавилов Николай Иванович (1887–1943) — ботаник, географ, специалист по культурным растениям, генетик, организатор науки, общественный деятель. В описываемый период — президент ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства, заведующий Лабораторией генетики АН СССР, действительный член АН СССР. Подробнее о нём см.: Бахтеев, 1987; Kolchynsky, 2001; Гончаров, 2014 и др.

⁶¹ Пружанская Елена Моисеевна (1903–1937) — секретарь биологической группы АН СССР, затем — работник Биомедгиза и Московского института философии, литературы и искусства. Арестована в 1936 г., приговорена к 10 годам лагерей, в 1937 г. по новому обвинению расстреляна.

⁶² СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1931). Д. 29. Л. 33–34

органов. В результате 26 апреля 1931 г. Биологическая группа, а затем Отделение математических и естественных наук (ОМЕН) АН СССР без каких-либо дискуссий приняли решения о слиянии Ботанического сада и Ботанического музея⁶³. 27 апреля такое же решение было принято Общим собранием АН СССР⁶⁴, и именно оно юридически положило начало деятельности нового учреждения, которое было решено назвать «Институт ботаники» (возможно, чтобы не путать с недолго просуществовавшим «Ботаническим институтом»). 28 апреля Общее собрание утвердило положение об институте, задачей которого провозглашались научная разработка всех разделов ботаники и широкая популяризация ботанических знаний в тесной связи с задачами соцстроительства⁶⁵. В этом документе также шла речь об «Институте ботаники», хотя его сокращённым наименованием было «БИН».

18 мая 1931 г. решение АН СССР было утверждено Президиумом Комитета по заведыванию учёными и учебными учреждениями Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР, а 8 июня — Президиумом ЦИК. Таким образом, решения Академии наук СССР были одобрены и органами государственной власти.

До начала октября 1931 г. сад и музей продолжали раздельное существование. Фактическое объединение началось в октябре 1931 г., когда Общее собрание АН СССР назначило директором института Б.А. Келлера. По-видимому, и в этот период были некоторые попытки предотвратить полное слияние двух учреждений. Позже Келлер отмечал:

«в конце 1931 г. при яростном сопротивлении члена-корреспондента Академии наук Н.А. Буша и особенно его жены⁶⁶, при явном нежелании академика В.Л. Комарова удалось добиться слияния Ботанического сада и Ботанического музея в единый Ботанический институт»⁶⁷.

Первые шаги по объединению

Практические шаги по объединению сада и музея были сделаны после назначения Б.А. Келлера на должность директора объединённого учреждения решением общего собрания АН СССР 6 октября 1931 г. Приказом № 132 от 11 октября 1931 г. было объявлено о создании Ботанического института (а не Института ботаники)⁶⁸. Как саду, так и музею предписывалось сдать все печати и бланки, назначалась специальная комиссия для приема бывшего Ботанического музея, его сотрудникам предписывалось оставаться на своих местах до особого распоряжения. Этим же приказом В.Л. Комаров был освобождён от обязанностей заведующего отделом живых растений и назначен заведующим

⁶³ Там же. Ф. 1. Оп. 1 (1931). Д. 258. Л. 29.

⁶⁴ Там же. Д. 257. Л. 16.

⁶⁵ Там же. Л. 27–29.

⁶⁶ Буш Елизавета Александровна (1886–1960) — флорист, систематик, исследователь растительного мира Кавказа. Жена Н.А. Буша. В описываемый период — ботаник Ботанического музея. В.П. Савич называл ее «негласным хозяином Музея АН» (Архив БИН РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 61. Л. 3). Подробнее о ней см.: Семенова-Тян-Шанская и др., 1963.

⁶⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 563. Оп. 1. Д. 1477. Л. 96.

⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1(1931). Д. 35. Л. 51–52.

Гербарием (отделом систематики и географии растений) вместо Б.А. Федченко⁶⁹. Заведующим отделом живых растений стал А.П. Ильинский⁷⁰.

Хотя документы Академии наук предусматривали объединение Ботанического сада и Ботанического музея в единый институт, фактически этот процесс происходил в форме присоединения музея к саду, что было вполне оправдано, так как численность работников сада заметно превышала штаты музея. Даже нумерация приказов нового учреждения продолжала таковую Ботанического сада.

Сотрудники музея в октябре–ноябре 1931 г. были переведены в соответствующие отделы сада (теперь уже института). 1 декабря 1931 г. были произведены первые изменения в структуре нового учреждения⁷¹: вместо отдела физиологии растений, отдела семеноведения и лаборатории по изучению растительных продуктов и лекарственных растений при музее был сформирован отдел экспериментальной ботаники во главе с В.Н. Любименко⁷². В результате на начало 1932 г. Ботанический институт АН СССР включал следующие отделы: систематики и географии растений (заведующий — В.Л. Комаров), споровых растений (В.П. Савич, до 20.01.1932 — А.А. Еленкин⁷³), геоботаники (В.Н. Сукачев⁷⁴), живых растений (А.П. Ильинский), экспериментальной ботаники (В.Н. Любименко), музей (И.В. Палибин⁷⁵), библиотеку (И.А. Оль⁷⁶). Следует отметить, что отдел живых растений включал только научных сотрудников, учёных-садоводов и экскурсоводов, а садоводы и садовые рабочие входили в так называемую «садовую часть».

Оперативно были начаты и работы по перемещению коллекций. Уже 10 декабря 1931 г. была создана комиссия⁷⁷ для составления плана перевозки гербария бывшего

⁶⁹ Федченко Борис Алексеевич (1872–1947) — систематик, флорист, ботанико-географ. Заведующий Гербарием Ботанического сада (1905–1931). Подробнее о нём см.: Борисова и др., 1962; Бобров, 1973.

⁷⁰ Ильинский Алексей Порфирьевич (1885–1945) — ботанико-географ, геоботаник, специалист по интродукции растений. В 1918–1931 гг. — в отделе живых растений Ботанического сада, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — заместитель заведующего этим отделом, в 1931–1934 гг. — заведующий отделом живых растений Ботанического института. Подробнее о нём см.: Федоров, Федоров, 1946; Лавренко, 1956.

⁷¹ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1 (1931). Д. 35. Л. 80–81.

⁷² Любименко Владимир Николаевич (1873–1937) — физиолог, эволюционист. В описываемый период — заведующий отделом физиологии Ботанического сада, в 1931–1938 гг. — заведующий отделом экспериментальной ботаники Ботанического института. Подробнее о нём см.: Коновалов, Эйдельман, 1959; Сенченкова, 1975; Манойленко, 1996.

⁷³ Еленкин Александр Александрович (1873–1942) — специалист по низшим растениям, главным образом лишенолог и альголог. Организатор работ по изучению споровых растений в Ботаническом саду. В описываемый период — заведующий отделом споровых растений Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Савич, 1944; Хахина, 1981.

⁷⁴ Сукачев Владимир Николаевич (1880–1967) — геоботаник, лесовед, эколог, организатор науки. В 1931–1933 гг. — заведующий отделом геоботаники Ботанического института. Подробнее о нём см.: Сукачев Владимир Николаевич, 1947; Александрова, 1960; Зонн, 1987 и др.

⁷⁵ Палибин Иван Владимирович (1872–1949) — палеоботаник. В описываемый период — заведующий музеем Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Васильев, Криштофович, 1950.

⁷⁶ Оль Иван Андреевич (1884–1943) — миколог, фитопатолог, библиограф. В описываемый период — заместитель заведующего, заведующий библиотекой Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее о нём см.: Бриллиант, 1944.

⁷⁷ СПФ АРАН. Ф. 273. Оп. 1(1931). Д. 35. Л. 77.

Ботанического музея на территорию Ботанического института под руководством Е.Г. Боброва⁷⁸ в составе Н.В. Шипчинского⁷⁹, Б.К. Шишкина, П.Н. Овчинникова⁸⁰ и ст. мастера К.П. Леонова. Практические работы по перемещению гербария были осуществлены уже в начале 1932 г. Как отмечал Б.А. Келлер:

«было перевезено около 2000000 листов гербария цветковых и споровых растений, одних шкафов 200 штук, столов 108, всего 575 предметов хозяйственного назначения, всё научное оборудование и все материалы сверх того» (1934, с. 4).

Заключение

Сейчас, будучи современником реформирования государственных академий наук, очень заманчиво объяснить причины описанных здесь событий тогдашней политической обстановкой, тем более что в то время действительно усилилось давление власти на Академию наук и науку вообще. Конечно, вполне вероятно, что какие-либо детали и можно объяснить политическими факторами — например, то, что первым директором объединённого Ботанического института стал коммунист Б.А. Келлер, а не беспартийный В.Л. Комаров. Не исключено, что решение об объединении сада и музея в апреле 1931 г. действительно «подтолкнуло» какое-то указание сверху.

Из всех обнаруженных нами на данный момент документов складывается довольно однозначная картина: реального объединения сада и музея хотели немногие сотрудники и того, и другого учреждения, а политические аспекты были далеко не на первом месте. Большинство вполне устраивало сложившееся положение дел. Возможно, в ряде случаев это была просто дань традиции. Например, ветеран музея Д.И. Литвинов⁸¹, много сделавший для его развития, в письме бывшему главному ботанику сада В.И. Липскому⁸² называл проект объединения «чудовищным»⁸³. Как видно из недавно

⁷⁸ Бобров Евгений Григорьевич (1902–1983) — систематик, историк науки. В описываемый период — ботаник Ботанического сада / Ботанического института. Подробнее о нём см.: Васильченко, 1985; Костина, 2014.

⁷⁹ Шипчинский Николай Валерьянович (1886–1955) — систематик, специалист по интродукции растений. В описываемый период — сотрудник отдела живых растений Ботанического сада, в 1934–1938 и 1942–1948 гг. — заведующий Ботаническим садом Ботанического института.

⁸⁰ Овчинников Павел Николаевич (1903–1979) — геоботаник, систематик. В описываемый период — научный сотрудник Ботанического сада / Ботанического института. Впоследствии — директор Института ботаники АН ТаджССР. Подробнее о нём см.: Павел Николаевич Овчинников, 1973; Камелин, 2003.

⁸¹ Литвинов Дмитрий Иванович (1854–1929) — флорист, систематик, ботанико-географ, библиограф ботаники. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея. Подробнее см.: Городков, 1929.

⁸² Липский Владимир Ипполитович (1863–1937) — флорист, систематик, историк ботаники. В 1902–1917 гг. — главный ботаник и заведующий отделом живых растений Императорского ботанического сада. С 1918 г. — на Украине, в 1922–1928 гг. — президент Всеукраинской академии наук, в описываемый период — директор Ботанического сада Одесского университета. Подробнее см.: Васильченко, 1963; Доброчаева, Мокрицкий, 1991.

⁸³ СПФ АРАН. Ф. 303. Оп. 1. Д. 264. Л. 6.

опубликованных воспоминаний А.М. Семеновой-Тянь-Шанской⁸⁴ (2013), крайне негативно относилась к объединенному Ботаническому институту Е.А. Буш, которая считала, что настоящие ботаники-систематики работали только в Ботаническом музее.

Был выбран наиболее радикальный вариант объединения, хотя он и вызывал возмущения многих влиятельных и заслуженных учёных. Дальнейшее развитие объединённого Ботанического института показало, что пессимистические прогнозы противников объединения не оправдались. Институт стал и официальным, и фактическим ведущим ботаническим центром страны и одним из немногих учреждений в мире, где развивались практически все направления науки о растениях.

Благодарности

Автор благодарен А.А. Федотовой и А.К. Сытину за информацию об архивных материалах, имеющих отношение к теме настоящей работы, а А.А. Федотовой — ещё и за многочисленные ценные замечания, заметно улучшившие статью. Кроме того, автор признателен А.В. Смирнову за его исчерпывающие пояснения относительно даты создания Ботанического музея. Для уточнения биографических сведений и данных об институтах и ведомственных структурах Петербурга—Петрограда—Ленинграда использован энциклопедический словарь «Биология в Санкт-Петербурге: 1703—2008» (2011).

Приложение 1

О параллелизме в деятельности Ботанического музея Академии наук и Главного ботанического сада⁸⁵

Существование параллелизма в деятельности Ботанического музея и Ботанического сада является бесспорным, почему мысль об объединении обоих учреждений неоднократно уже и высказывалась. Однако при рассмотрении характера параллелизма картина часто получалась неясная, т. к., сопоставляя деятельность обоих учреждений, часто рассматривали их как одинаковые по объёму работ единицы. Между тем задачи Ботанического музея совпадают лишь с частью задач Ботанического сада и работы его являются параллельными не работам сада в целом, а работам отдельных его учреждений. По своему составу и направлению работ Ботанический музей Академии наук мог бы рассматриваться как институт систематики растений и связанных с последней отделов географии растений. Аналогичные работы ведутся в Главном ботаническом саду двумя учреждениями — Гербарием и Институтом споровых растений⁸⁶, с которыми поэтому и следует сопоставлять Ботанический музей. Остальные научные учреждения Ботанического сада преследуют совершенно иные задачи, в некоторой мере уподобляясь (в отдельных случаях) другим учреждениям, не находящимся в ведении сада. Так, напр[имер], в Ботаническом саду ведутся работы по физиологии растений, близкие по содержанию к тому, что имеется в Институте физиологии и биохимии растений Академии

⁸⁴ Семенова-Тянь-Шанская Анастасия Михайловна (1913—1992) — геоботаник, специалист в области охраны растительного мира. Подробнее о ней см. предисловие к ее воспоминаниям (Семенова-Тянь-Шанская, 2013).

⁸⁵ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1929). Д. 111. Л. 2—7. О возможном авторстве документа см. настоящую статью, с. 39.

⁸⁶ Институт споровых растений (с 1924 г. — отдел споровых растений) — подразделение Ботанического сада, созданное в 1913 г. для изучения систематики и географии споровых растений. В дальнейшем преобразован в отдел споровых растений Ботанического института.

наук. Следует также заметить, что Музей Ботанического сада представляет совершенно иного типа учреждение, чем Ботанический музей Академии наук, являясь в первую очередь музеем морфологии растений и обладая обширными выставочными коллекциями.

Итак, в составе Академии наук и Главного ботанического сада имеются параллельные учреждения, преследующие изучение систематики и географии растений — Ботанический музей АН, с одной стороны, и Гербарий и Споровый институт Ботанического сада — с другой. Работы этих учреждений по существу являются вполне подобными и по задачам, и по направлению, сближая их несравненно больше, нежели, напр[имер] Гербарий Бот[анического] сада связан с некоторыми учреждениями, также подведомственными Бот[аническому] саду.

Поскольку вопрос о слиянии Гербария Бот[анического] сада и Бот[анического] музея АН неоднократно уже обсуждался и мнения относительно него существенно расходились, целесообразно рассмотреть доводы, приводившиеся как в пользу соединения названных учреждений, так и против него. Ниже мы остановимся также на вопросе о возможности слияния обоих учреждений при теперешних условиях, равно как о возможных мерах для сокращения параллелизма в их деятельности.

Доводы в пользу соединения Ботанического музея АН с Гербарием Ботанического сада

Кроме указанной уже общности направления научной работы обоих учреждений можно указать следующие данные:

1. Громадные материалы по флоре СССР, хранящиеся в Ленинграде, разбиты на 2 части, вследствие чего лица, работающие в каком-либо одном учреждении, лишены возможности с достаточной легкостью пользоваться значительной долей материала. Нет возможности быстро произвести учет всего наличного в Ленинграде материала по данному виду или группе растений. Вследствие этого ботаникам, работающим более обстоятельно, постоянно приходится посещать два, притом значительно разобщенные, учреждения, дабы избежать пропусков в работе. При более детальных исследованиях, когда необходимо непосредственное сравнение возможно обширного материала, приходится перевозить коллекции из одного учреждения в другое, чего можно было бы избежать в случае, если бы основные коллекции находились в едином учреждении.

2. При обмене с иногородними и зарубежными ботаническими учреждениями легко может случиться, что оба ленинградские хранилища получают одинаковые материалы, что, конечно, не в интересах ученых специалистов и вообще научной работы, т. к. на посылаемые в обмен растения единое учреждение могло бы получить более разнообразные коллекции.

3. При бедности материалов из некоторых областей распределение их в двух хранилищах значительно разбивает и без того отрывочное впечатление при просмотре соответствующих коллекций.

4. Необходимость посещения обоих учреждений отнимает у персонала их значительное количество времени, чего не могло бы быть в объединенном учреждении.

5. Как бы ни была планомерна работа каждого ботанического учреждения в отдельности, деятельность более обширного, объединенного учреждения могла бы быть несравненно более планомерной, хотя бы в силу возможности распределения работы между большим количеством сотрудников. Пока оба параллельные учреждения не располагают достаточным персоналом и средствами (чего трудно и достигнуть⁸⁷), деятельность каждого из них, даже при полной внутренней организованности, может оказаться недостаточно разносторонней. Можно также

⁸⁷ По существу, численность персонала никогда не казалась ботаникам достаточной, особенно это касается технического персонала для работы с коллекциями. Интересно отметить, что в силу естественной идеализации прошлого в Ботаническом институте сформирован устойчивый миф о том, что «раньше» было достаточно сотрудников для работы с коллекциями, а «сейчас» их явно не хватает. Такие замечания встречаются в документах на протяжении не менее чем 80 лет.

опасаться, что отдельные области могут остаться нетронутыми работами как одного, так и другого учреждения, поскольку каждое из них определяет пределы своей деятельности более или менее независимо. Внесение равномерности в распределение работ в пределах, соответствующих компетенции учреждения, едва ли может быть произведено вне объединения ныне разрозненных отделов АН и Ботанического сада.

Доводы, приводившиеся против соединения Ботанического музея АН с соответствующими учреждениями Бот[анического] сада

Были по преимуществу не столь научного, как ведомственного характера. Одной из основных их предпосылок являлась необходимость для АН иметь в своем составе ботаническое учреждение, аналогичное учреждениям, разрабатывающим другие естественноисторические дисциплины, и необходимость для Бот[анического] сада иметь в ряду своих ботанических учреждений Гербарий, т. е. Институт систематики растений. Остановливаясь на этом, противники идеи соединения центральных ботанических учреждений обычно не входили в рассмотрение того, насколько это соединение оправдывается положительными следствиями его, хотя бы и при наличии некоторых отрицательных.

Наряду с таким ведомственным подходом были и указания на целесообразность существования двух подобных друг другу ботанических учреждений, вне зависимости от их ведомственной принадлежности. Указывалось, что в случае, напр[имер], какой-либо катастрофы (в частности, имелась в виду возможность пожара) разделенность учреждений явилась бы своего рода страховкой от гибели всего накопленного материала. При этом, однако, упускалось из вида, что подобная мотивировка была бы обоснована лишь в том случае, когда остальные меры, обеспечивающие безопасность коллекций, уже были бы приняты. Между тем, на деле хранение ботанических коллекций в помещении, занимаемом Ботаническим музеем АН⁸⁸, представляет, быть может, гораздо более существенный повод для опасения за сохранность ценнейших научных материалов, и такая мера, как перенос коллекции музея в иное помещение, имела бы несравненно более реальное значение, нежели рассуждения о гарантии на случай пожара, для предотвращения возможности которого ничего не делалось.

Доводы персонального характера, в частности, возможность нарушения установившихся взаимоотношений между отдельными уч[ёными] специалистами, работающими ныне в том или ином из интересующих нас учреждений, не лишены известного основания, но нельзя не признать, что возможные при перемене структуры персонала неувязки в работе отдельных лиц представляют чисто временное явление и поэтому перед ними не приходится останавливаться, если остальные доводы говорят за проведение определенной организационной меры. (Остановливаясь на персональных, субъективного порядка доводах нам не представляется уместным.)

Сопоставляя приведенные выше данные, приходится сделать вывод, что соединение Ботанического музея АН, Гербария и Спорового института Главного ботанического [сада] в единое учреждение представляется вполне целесообразным. Что касается до ведомственной стороны вопроса то, вероятно, было бы включение такого объединенного института систематики и географии как чисто научного учреждения, в сеть учреждений АН, сохранив, разумеется, и научную связь с Бот[аническим] садом. Последний по своим заданиям не вполне соответствует духу намечаемого в этой записке объединенного учреждения. Кроме того, исключение основной части ботаники из круга деятельности АН представлялось бы мало обоснованным.

⁸⁸ Музей и его Гербарий располагались на втором этаже так называемого Музейного флигеля Академии наук (Васильевский остров, Таможенный пер., д. 5/2), там, где сейчас находится Санкт-Петербургский филиал Института истории науки и техники и кафедра иностранных языков Академического университета.

Своевременно ли объединение рассматриваемых учреждений?

Вопрос о своевременности намечаемых выше мер должен решаться в зависимости от технических возможностей для их осуществления. В объединении учреждений музейного типа решающим моментом является возможность найти для них соответствующее общее помещение.

Поэтому реальное разрешение вопроса, рассматриваемого в этой записке, будет зависеть от того, может ли одно из существующих учреждений вместить в своем помещении и коллекции другого.

Поскольку помещение Ботанического музея должно быть признано не удовлетворяющим нормальным требованиям, предъявляемым к современным хранилищам ботанических коллекций, отличаясь вместе с тем и ограниченными размерами, вопрос об использовании его очевидно отпадает. Здание Гербария Главного ботанического сада⁸⁹ могло бы вместить еще значительно больше коллекций, чем в нём находятся, если окажется возможным перевод Библиотеки сада в какое-либо иное помещение (в настоящее время она занимает первый этаж здания Гербария). Возможность размещения им всех соответствующих коллекций тем не менее далеко не очевидна, почему, прежде чем принимать какие-либо решительные меры, необходимо выяснить, какое количество коллекций могло бы вообще вместить здание Гербария бот[анического] сада и достаточно ли обеспечивает оно не только размещение всех имеющихся материалов, но и некоторое позднее приращение коллекции. Равным образом следовало бы выяснить, в какой мере возможно перемещение в новое помещение Библиотеки Гл[авного] бот[анического] сада, без удаления которой из здания поставленный выше вопрос, вне всякого сомнения, разрешится в отрицательном смысле. В случае, если помещение Гербария окажется достаточным для намечаемого объединенного учреждения, вопрос о возможности объединения автоматически решится, если же помещение окажется недостаточным — он отложится до приискания подходящего помещения.

Меры для временного и частичного устранения параллелизма в работах

Отчасти сознательно, с указанной выше целью, отчасти в силу исторических обстоятельств, в настоящее время проводится некоторое разграничение сфер деятельности Бот[анического] музея АН и Гербария Бот[анического] сада. Не имея юридического характера, это разграничение не является обязательным, но в известных случаях намечается достаточно отчетливо. Оно заключается в сосредоточении внимания персонала каждого из названных учреждений на исследовании различных районов СССР, причем районы эти в значительной части не перекрываются. Так, можно отметить, что ботаническое исследование Туркестана ведется (не говоря о местных научных силах) преимущественно персоналом Гербария Бот[анического] сада, продолжающего работы Шренка, Карелина, О. А. Федченко и др[угих] специалистов, основная часть сборов которых поступила в гербарий сада. Напротив, исследование Кавказа, до известной степени продолжающее работы Маршала Биберштейна, Рупрехта и др[угих], ведется преимущественно силами Бот[анического] музея АН. Ботанический музей уделяет больше внимания и изучению Западной и Северной Сибири, в то время как в Южной Сибири работали больше ботаники сада и т. д. Признавая целесообразность такого разделения работ, нельзя, однако, не отметить, что соединение тех или иных «традиций» в значительной степени зависит от персональных научных интересов отдельных

⁸⁹ Четырёхэтажное здание было построено на территории Ботанического сада в 1912 г. Коллекции были перемещены в 1914 г. Первый этаж предназначен для библиотеки. Это единственное здание в России, специально спроектированное для гербарных коллекций. На момент постройки и описываемых событий было весьма совершенным в техническом отношении, однако уже на рубеже 1920—30-х гг. стало ясно, что объединение гербариев сада и музея приведёт к недостатку места для размещения коллекций. К сожалению, здание не расширено до сих пор, хотя вопрос об этом поднимался неоднократно.

сотрудников учреждений и не санкционируется какой-либо общей программой. Отдельные случаи несогласованности в данной области нередки и иногда ведут к трениям между персоналами обоих учреждений. Кроме того, важно отметить, что при неуниверсальном характере деятельности каждого учреждения легко могут оказаться районы, не затрагиваемые ни одним из них.

Учитывая это, мы должны, тем не менее, признать, что сложившаяся научная традиция, подкрепляемая сознательным отношением к вопросу о параллелизме в работах со стороны ботаников обоих учреждений, до известной степени смягчает отрицательные стороны параллельного существования двух весьма подобных по заданиям учреждений и позволяет подходить к вопросу о соединении их без могущей привести к крайне нежелательным последствиям спешки.

Подчеркивая последнее, мы должны, тем не менее, отметить, что вопрос об образовании единого учреждения, объединяющего центральные хранилища растений, представляется нам подлежащим положительному разрешению в недалеком будущем, причем технические затруднения, стоящие на пути проведения в жизнь напрашивающихся мероприятий, ни в коей мере не должны быть противопоставляемы их необходимости, вытекающей из интересов вневедомственной по существу научной работы.

Приложение 2

ПРОТОКОЛ

заседания Комиссии по согласованию работ Ботанического музея и Ботанического сада Академии наук СССР от 27 октября 1930 г.⁹⁰

Присутствовали: акад. В.Л. Комаров, Н.А. Буш, Н.И. Кузнецов⁹¹, С.Д. Львов⁹², В.П. Савич, А.И. Толмачев⁹³, В.Г. Траншель⁹⁴, Б.А. Федченко, Б.К. Шишкин, П.С. Элиасберг⁹⁵.

Председатель — В.Л. Комаров, секретарь — А.И. Толмачев.

Открывая заседание, В.Л. Комаров вкратце осветил историю вопроса о взаимоотношениях академических ботанических учреждений и Ботанического сада и обстоятельства, при которых последний был передан в ведение Академии наук. В настоящее время перед нами стоит вопрос о целесообразном размежевании функций трех учреждений, на которые распадается учрежденный как новое объединение Ботанический институт АН. В первую очередь следует выяснить,

⁹⁰ Архив БИН РАН. Ф. 273. Оп. 22. Ед. хр. 30. Л. 4–7.

⁹¹ Кузнецов Николай Иванович (1864–1932) — систематик, флорист, геоботаник, ботанико-географ. В описываемый период — заведующий отделом геоботаники Ботанического сада. Подробнее о нём см.: Ильинский, 1932, Липшиц, 1957, Лавренко, 1965 и др.

⁹² Львов Сергей Дмитриевич (1879–1959) — физиолог растений. В описываемый период — профессор кафедры физиологии растений Ленинградского университета, по совместительству — старший ботаник отдела физиологии Ботанического сада (отдела экспериментальной ботаники Ботанического института). Подробнее о нём см.: Солдатенков, 1959.

⁹³ Толмачев Александр Иннокентьевич (1903–1979) — флорист, систематик, ботанико-географ. В описываемый период — научный сотрудник Ботанического музея. До 1925 г. работал в Ботаническом саду. Подробнее: Миняев и др., 1981, Юрцев 1994.

⁹⁴ Траншель Вольдемар Генрихович (Владимир Андреевич) (1868–1942) — миколог, фитопатолог. В описываемый период — старший ботаник Ботанического музея. Подробнее: Купревич, 1968; Азбукина, 1993.

⁹⁵ Элиасберг Павел Самуилович (Сергеевич) (1885–?) — физиолог растений. В описываемый период сотрудник ЛАБИФР и Ленинградского университета.

не имеется ли параллелизма в работах ЛАБИФР⁹⁶ и Отдела биологии и физиологической экологии БС⁹⁷ и следует ли сохранить за ними их теперешние функции в полном объеме или размежевание должно быть проведено наново. Выяснение положения целесообразно поручить подкомиссии из представителей непосредственно заинтересованных учреждений.

Более сложен вопрос о взаимоотношениях БС и БМ⁹⁸. Наличие параллелизма в работах БМ и части отделов БС бесспорно и необходимость пересмотра их функций очевидна. Говорить о полном слиянии БМ с родственными отделами БС было бы неправильно, т. к. это могло бы привести лишь к потерям, в частности к сокращению персонала, сохранение которого в полном объеме представляется совершенно необходимым. Естественно, что размежевание работ БМ и БС должно быть произведено по отраслевому признаку, причем речь может быть о различных вариантах такого размежевания.

Может быть вопрос о выделении из общего комплекса как задачи БМ либо работ по систематике растений, либо по геоботанике. Наконец, возможно выделение музея Бот[анического] сада как просветительного учреждения, с переносом его в теперешнее помещение БМ и с передачей всей научной работы в БС. Возможно и выдвижение других вариантов.

В.П. Савич считает, что вообще следовало бы поставить вопрос о полном слиянии БМ и БС. Если же этого вопроса не обсуждать, то едва ли можно выдвинуть какие-либо новые варианты размежевания функций БМ и БС.

А.И. Толмачев указывает, что в настоящее время объединяющим все ботанические учреждения органом является БИН. Разделение его на 3 учреждения — ЛАБИФР, БМ и БС едва ли можно рассматривать как окончательное, поскольку им определяется противопоставление двух отраслевых учреждений третьему комплексному. В дальнейшем институт, возможно, подлежит преобразованию в ассоциацию, объединяющую ряд отраслевых институтов примерно одинакового масштаба. Но выдвигать на очередь принципиальный пересмотр вопроса о делении института теперь едва ли целесообразно.

Н.И. Кузнецов отмечает, что присоединение БС к АН уже вполне назрело⁹⁹, что же касается до возможного размежевания функций его и БМ, то предложить другие варианты, кроме трех уже выдвинутых, едва ли возможно.

В.Л. Комаров, отмечая, что БС должен существовать как комплексное учреждение и БМ как учреждение отраслевое, указывает, что основным моментом является в настоящее время выбор той отрасли, которая должна быть выделена как специальность БМ.

На вопрос В.П. Савича, не целесообразнее ли пересмотреть решение о самостоятельном существовании БМ и БС, В.Л. Комаров отвечает, что ставить этот вопрос в данное время нецелесообразно, т. к. полное слияние БМ и БС повело бы к сокращению части персонала, что пришло бы вред обоим учреждениям.

При выборе направления работ БМ надо иметь в виду, что в ведении БС должны, во всяком случае, остаться все те работы, которые связаны с культурами сада.

А.И. Толмачев отмечает, что выделение из БС его музея невыгодно, т. к. просветительная деятельность сада связана не только с музеем, но и с оранжереями. Целесообразнее сохранить музей в том же учреждении, что и оранжереи, т. е. в БС. О желательности полного слияния БМ и БС можно говорить только принципиально, при имеющейся же обстановке оно нецелесообразно.

⁹⁶ Лаборатория биохимии и физиологии растений АН СССР.

⁹⁷ Ботанический сад.

⁹⁸ Ботанический музей.

⁹⁹ Н.И. Кузнецов в 1907–1908 гг. был одним из ярых сторонников передачи Ботанического сада в Академию наук и активно критиковал научную политику его руководства (Вага, 1959). В 1921 г. создал отдел геоботаники в Ботаническом саду и проработал в нём до конца жизни.

Б.А. Федченко считает, что постановка вопроса о полном слиянии БМ и БС несвоевременна. Пока выгоднее выделить одну из отраслей, входящих в круг ведения БИН, причем эта отрасль, очевидно, получит в близком будущем большее развитие. В более далеком будущем можно иметь в виду и слияние БМ и БС. Соображения, высказанные А.И. Толмачевым в отношении неудобства передачи из БС музейной части небесспорны. Может быть, было бы выгодно иметь музей в стенах самой Академии. Что касается до других намеченных вариантов, то передача Гербария немыслима по техническим причинам. Выделение геоботаники было бы связано с меньшими трудностями, а если оно не угрожает БС отрывом от полевой работы — на него можно бы было пойти. Можно еще поставить вопрос о выделении как задачи БМ, работы над низшими растениями.

Н.А. Буш отмечает, что варианты о выделении музея БС и Гербария следует считать отпавшими. Работу по низшим растениям лучше оставить за БС, может быть, передав саду и имеющиеся в БМ материалы. Что же касается до геоботаники, то выделение ее в самостоятельный институт вполне оправдывается, почему и следует реорганизовать БМ в геоботаническое учреждение, передав ему соответствующие функции БС. Схема подразделения БИН на 3 учреждения вполне может быть принята и как постоянная.

Н.И. Кузнецов указывает на трудности, связанные с переносом геоботанической работы в помещение БМ, т. к. это лишит геоботаников возможности постановки некоторых работ под открытым небом, в условиях, близких к природным. Тем не менее перенос геоботанического отдела и соединение его с БМ в более мощное учреждение приемлемо. Во всяком случае, выделение геоботаники из общего комплекса может послужить стимулом для развития геоботанической работы. Но, ставя вопрос о переносе геоботаники в БМ, нельзя упускать из виду необходимость опытного участка для работ геоботаников, каковой легче было бы получить в БС.

Н.А. Буш и А.Н. Толмачёв, соглашаясь с мнением о важности предоставления опытного участка для геоботанических работ, указывают, что в этом отношении размещение геоботанического учреждения в БС также не решает вопроса. Поэтому вполне можно говорить о передаче геоботанических работ в БМ и о сосредоточении их в его теперешнем помещении. Вопрос же об опытном участке надо ставить отдельно, изыскивая возможность для получения его за чертой города.

В.Г. Траншель отмечает, что с государственной точки зрения выделение геоботаники в особое учреждение представляется весьма своевременным, поскольку оно обеспечит большее ее развитие. Современное положение геоботанического отдела БС не обеспечивает соответствующей возможности.

В.Л. Комаров отмечает, что из обмена мнений уже выявилось, что речь может быть только о выделении из БС работ по геоботанике или по спорным растениям.

В.П. Савич считает, что о передаче в БМ работ по низшим растениям не может быть речи, поскольку аналогичные работы по высшим остаются за БС.

В.Г. Траншель и А.И. Толмачев поддерживают мнение В.П. Савича, причем А.И. Толмачев указывает, что выделение спорного института противоречило бы положению о выделении задачи БМ по отраслевому признаку, основываясь на признаке предметном.

В.Л. Комаров отмечает, что комиссия, очевидно, приходит к выводу о целесообразности сосредоточить в БМ работы по геоботанике. Исходя из этого, нам следует строить план реорганизации ботанических учреждений, причем на первое время надо учесть необходимость обходиться без особых затрат. Равным образом, надо озаботиться о том, чтобы полностью сохранить кадры реорганизуемых учреждений.

В.П. Савич считает, что полное слияние ботанических учреждений лучше обеспечило бы сохранение сил.

В.Л. Комаров указывает, что объединение работ ботанических учреждений уже обеспечено существованием БИН, частями которого является и БМ и БС. В принципе, может быть,

было бы правильнее организовать Ботаническую ассоциацию из отраслевых институтов, но в данное время это невозможно.

Что касается до очередных задач комиссии, то нам следует наметить 2 рабочие подкомиссии, одна из которых рассмотрит вопрос о взаимоотношениях БС и ЛАБИФР, другая — БС и БМ. В задачи обеих подкомиссий надо включить рассмотрение вопроса как о размежевании функций родственных учреждений, так и о перераспределении их персонала и материальных ценностей.

Н.И. Кузнецов предлагает выделить особую подкомиссию для рассмотрения геоботанических вопросов.

В.П. Савич, Б.А. Федченко и А.И. Толмачев выступают против этого предложения, отмечая, что отдельное обсуждение вопроса об организации геоботанических работ будет более уместно после того как вопрос о размежевании функций БМ и БС уже подвергнется разрешению.

Н.И. Кузнецов соглашается с приведенными соображениями и снимает свое предложение.

В.П. Савич отмечает необходимость привлечения к участию в работах комиссии представителей общественности.

Постановление

1. Признать целесообразным разграничение БМ и БС, принятое сессией АН, т. е. выделение как области компетенции БМ геоботанических работ, с передачей остальных работ, ведущихся БМ до настоящего времени, в ведение БС.

2. Для согласования и размежевания работ ЛАБИФР и Отдела биологии и физиологической экологии БС выделить подкомиссию в составе С.Д. Львова и П.С. Элиасберг[а], с правом кооптации других лиц. Созыв подкомиссии поручить С.Д. Львову.

3. Для согласования и размежевания работ БМ и родственных ему отделов БС, на основе положения, принятого в п.1 настоящего постановления, образовать подкомиссию в составе Н.А. Буша, Н.И. Кузнецова, В.П. Савича, А.И. Толмачева, В.Г. Траншеля, Б.А. Федченко и Б.К. Шишкина с правом кооптации других лиц. Созыв подкомиссии поручить Б.А. Федченко.

4. Предложить подкомиссиям, в случае принятия решений о перераспределении функций между существующими учреждениями, проработать вопрос о необходимом перераспределении штатов и материальных ценностей ботанических учреждений.

5. Обеим подкомиссиям поручить закончить их работы к 3 ноября.

6. Созвать ближайшее заседание Комиссии 4 ноября.

7. Привлечь к дальнейшим работам Комиссии представителей общественных организаций АН и БС.

Приложение 3

Академия наук Союза Советских Социалистических Республик Ботанический сад

Президиуму Академии наук

31 марта 1931 г.

На № 10041

Еще 21 апреля 1930 г. академик В. Л. Комаров представил комиссии, выделенной Советом Бот[анического] сада, доклад о необходимости полного слияния Бот[анического] сада с Ботан[ическим] музеем АН (протокол комиссии от 21.IV.30 года под предс[едательством] ак[адемика] Комарова).

С тех пор Ботан[ический] сад АН неизменно стоял на этой позиции, т. к. оправдать нахождение двух параллельных учреждений в системе АН невозможно. Все же возникшие после проекты о выделении из БС и БМ обязательно двух же учреждений были искусственны и нежизненны, так как они выходили не из существа дела, а из желания сохранить БМ как самостоятельную бюджетную единицу. Ботан[ический] сад уже при переходе к АН представлял из себя целый Ботанический институт, в котором разрабатывались научные вопросы почти во всех областях ботаники и выделение из него уже одного отраслевого института нарушало всю стройную систему работы, которая столь полно вырисовывалась в плане работ на 1932 год.

Особенно следует остановиться на сделанной попытке выделить геоботанику из сада в особое учреждение. Эта попытка была нежизненна, т. к. отрывала геоботанику от систематики и флористики, в то время как развитие их возможно лишь в тесном контакте между ними, тем более что и имеющийся персонал не всегда можно строго разбить на геоботаников и систематиков. Кроме того, уже при обсуждении размежевания между БС и новым геоботан[ическим] учреждением выяснилась необходимость геоботан[ического] институту иметь свои гербарии и цветковых и споровых и своих систематиков, что снова повело бы к параллелизму и не позволило бы изжить и наблюдаемое нездоровое совместительство работников БС в БМ ввиду недостатков специалистов ряда специальностей.

Надстройка в виде БИН'а или БАС'а не решила вопроса, так как такое крупное учреждение, как БС, ассоциировалось с небольшим учреждением, как ЛАБИФР — полуботанического-полухимического характера, и с параллельным саду учреждением — Бот[аническим] музеем. Создавалась лишняя инстанция для прохождения дел и в без того сложной системе АН и по практике, за полугодовое существование БИН'а и последовательно БАС'а никакой практической ценности эта инстанция не имела, т. к. только штамповала отчеты и планы работ, которые затем проходили окончательно в другом виде.

Поэтому Ботанический сад АН разработал новое положение о Бот[аническом] саде, предусмотрел полное слияние БС и БМ, причем в проекте нового Бот[анического] сада АН в основу были положены все работы производственных совещаний Бот[анического] сада, также совместная БС и БМ от 3.V.30 г., а также постановления первой всесоюзной производственной конференцией геоботаников и флористов.

Директор ак. Б.А. Келлер.
Ученый секретарь В.П. Савич.

Литература

Азбукина З.М. Памяти Вольдемара Генриховича Траншеля (1868–1942) // Микология и фитопатология. 1993. Т. 27. Вып. 4. С. 91–94.

Александрова В.Д. Владимир Николаевич Сукачев (К 80-летию со дня рождения и 60-летию научной деятельности) // Ботанический журнал. 1960. Т. 45. № 10. С. 1568–1582.

Артур Артурович Ячевский / Вступ. статья Л.С. Гитман, М.В. Горленко. М.: Наука, 1964. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 7).

Бахтеев Ф.Х. Николай Иванович Вавилов, 1887–1943. Новосибирск: Наука, 1987. 269 с.

Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. 568 с.

Бобров Е.Г. Ботанический сад // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1957а. С. 32–71.

Бобров Е.Г. Ботанический музей Академии наук (1823–1916) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957б. С. 72–80.

Бобров Е.Г. Памяти Б. А. Федченко. К 100-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1973. Т. 58. № 5. С. 754–757.

Борис Александрович Келлер / Вступ. статья И.И. Мещанинова, А. Г. Чернова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 100 с. (Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 2).

Борис Лаврентьевич Исаченко / Вступ. статья П.Н. Усачёва. М.: Изд-во АН СССР, 1951. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Микробиология. Вып. 2).

Борисова А.Г., Кнорринг О.Э., Некрасова В.Л. К 90-летию со дня рождения Бориса Александровича Федченко // Ботанический журнал. 1962. Т. 47. № 6. С. 897–907.

[*Бородин И.П.*] Ботанический музей // Материалы для истории академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг., 1917. Часть 1. С. 133–160.

Ботанический музей. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. 19 с.

Бриллиант В.А. Памяти И.А. Оль // Советская ботаника. 1944. № 2. С. 58–59.

Вага А. История вопроса о создании центрального ботанического учреждения в дореволюционной России. Таллин, 1959. 119 с.

Васильев А.В., Кристофович А.Н. Иван Владимирович Палибин // Ботанический журнал. 1950. Т. 35. № 6. С. 684–688.

Васильченко И.Т. Владимир Ипполитович Липский (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 9. С. 1236–1239.

Васильченко И.Т. Евгений Григорьевич Бобров (1902–1983) // Ботанический журнал. 1985. Т. 70. № 6. С. 860–864.

Владимир Леонтьевич Комаров / Вступ. статья И. И. Мещанинова, А. Г. Чернова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 100 с. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 1).

Воронов А.Г. С. И. Коржинский. К 100-летию со дня рождения // Бюллетень МОИП. 1961. Т. 66. Отд. биол. Вып. 5. С. 142–146.

Гончаров Н.П. Константин Андреевич Фляксбергер (1880–1942) // Историко-биологические исследования. 2011. 3. № 3. С. 106–108.

Гончаров Н.П. Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 10–33.

Горленко М.В. Артур Артурович Ячевский как миколог и фитопатолог (1863–1932) (к 20-летию со дня смерти) // Микробиология. 1953. Т. 22. Вып. 5. С. 602–610.

Голлербах М.М., Полянский В.И. Заслуженный деятель науки профессор В.П. Савич. К 70-летию со дня рождения // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 2. С. 281–286.

Голубкова Н.С. Всеволод Павлович Савич (1885–1972) — учёный и организатор науки в области споровых растений // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 10. С. 142–150.

Гончаров Н.П. Николай Иванович Вавилов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014.

Городков Б.Н. Дмитрий Иванович Литвинов // Природа. 1929. № 11. С. 919–926.

Грубов В.И. К столетию со дня рождения Бориса Константиновича Шишкина // Ботанический журнал. 1987. Т. 72. № 7. С. 987–990.

Грубов В.И. Карл Иванович Максимович (к 100-летию со дня смерти) // Ботанический журнал. 1991. Т. 76. № 2. С. 296–300.

Доброчаева Д.Н., Мокрицкий Г.П. Владимир Ипполитович Липский. Киев: Наукова думка, 1991. 214 с.

Зонн С.В. Владимир Николаевич Сукачев, 1880–1967. М.: Наука, 1987. 252 с.

Ильинский А.П. Николай Иванович Кузнецов // Землеведение. 1932. Т. 34. Вып. 3–4. С. 149–158.

Ильинский А.П. Пятьдесят лет работы В. Л. Комарова в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова Академии наук СССР // Сов. бот. 1944. № 6. С. 16–23.

Камелин Р.В. Павел Николаевич Овчинников (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 2003. Т. 88. № 5. С. 165–176.

Келлер Б.А. Ботанический институт Академии наук СССР к XVII съезду коммунистической партии // Советская ботаника. 1934. № 1. С. 3–13.

Колчинский Э.И. «Культурная революция» и становление советской науки (1928–1932) // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 577–664.

Кольцов А.В. В.Л. Комаров и Академия наук СССР // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова: 1869–1969. Л.: Наука, 1972. С. 16–35. (Комаровские чтения. XXIV).

Коновалов И.Н., Эйдельман З.М. Научное творчество В.Н. Любименко и дальнейшее развитие его идей // Труды Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР. Сер. 4. Физиология растений. 1959. Вып. 13. С. 7–12.

Корчагин А.А. Научная и педагогическая деятельность Николая Адольфовича Буша (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1969. Т. 54. № 11. С. 1635–1641.

Костина Т.В. О документальном наследии Е.Г. Боброва в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (к 50-летию завершения «Флоры СССР») // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. Вып. 3. С. 61–73.

Купревич В.Ф. В.Г. Траншель (к 100-летию со дня рождения) // Микология и фитопатология. 1968. Т. 2. Вып. 2. С. 164–167.

Лавренко Е.М. Памяти А.П. Ильинского // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 4. С. 607–610.

Лавренко Е.М. Николай Иванович Кузнецов как ученый (к 100-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 1. С. 151–155.

Лейсле В.Ф. Жизненный путь академика Б.А. Келлера // Записки Воронежского сельскохозяйственного института. 1949. Т. 22. Вып. 1. С. 7–17.

Липский В.И. Исторический очерк Императорского Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913) // Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). СПб., 1913–1915. Часть 1. С. 1–378.

Липищ С.Ю. Николай Иванович Кузнецов // Ботанический журнал. 1957. Т. 42. № 9. С. 1307–1314.

Липищ С.Ю. Владимир Леонтьевич Комаров (жизнь и творчество) // Сто лет со дня рождения Владимира Леонтьевича Комарова: 1869–1969. Л.: Наука, 1972. С. 3–16. (Комаровские чтения. XXIV).

Липищ С.Ю. Литературные источники по флоре СССР. Л.: Наука, 1975. 232 с.

Липищ С.Ю., Васильченко И.Т. Центральный гербарий СССР. Л.: Наука, 1968. 142 с.

Манойленко К.В. Иван Парфёньевич Бородин, 1847–1930. М.: Наука, 2005. 274 с.

Манойленко К.В. В.Н. Любименко: эволюционные, эколого-физиологические, историко-научные аспекты деятельности. СПб.: Наука, 1996. 196 с.

Миняев Н.А., Ребристая О.В., Шмидт В.М., Юрцев Б.А. А.И. Толмачев (1903–1979) // Ботанический журнал. 1981. Т. 66. № 5. С. 754–756.

Мишустин Е.Н. Памяти академика Бориса Лаврентьевича Исаченко (1871–1948) // Ботанический журнал. 1949. Т. 34. № 5. С. 547–551.

Научная хроника // Известия Главного Ботанического сада СССР. 1927. Т. 26. Вып. 4. С. 420–421.

От Аптекарского огорода до Ботанического института: Очерки по истории Ботанического института Академии наук СССР / отв. ред. П. А. Баранов и Е. Г. Бобров. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 308 с.

Павел Николаевич Овчинников / Вступ. ст. А.И. Максимова и др. Душанбе: Дониш, 1973. 58 с.

Положение о Главном ботаническом саду // Известия Главного ботанического сада СССР. 1927. Т. 26. Вып. 6. С. 655–658.

Приложения к истории Императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии. 1798–1898. СПб.: Тип. МВД, 1898. 337 с.

Регель Р.Э. Прикладная экология для инженеров земельных улучшений / Подгот. к печ., вступ. ст. и коммен. А.А. Федотовой, Н.П. Гончарова // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. № 3. С. 691–705.

Руденко М.И. Константин Андреевич Фляксбергер (К 100-летию со дня рождения) // Бюллетень ВИР. 1981. № 106. С. 3–6.

- Рупрехт Ф.И.* Очерк истории Ботанического музея // Записки Имп. Академии наук. 1864. Т. 5. Вып. 2. С. 139–162.
- Савина Г.А.* Опыт социальной истории в лицах: В.Л. Комаров — президент АН СССР // На переломе: Отечественная наука в конце XIX — XX веке. СПб.: Нестор-История, 2005. Вып. 3. С. 165–205 (Нестор: Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы, № 3).
- Савич В.П.* Памяти проф. А.А. Еленкина // Советская ботаника 1944. № 1. С. 60–63.
- Семенова-Тян-Шанская А.М.* Записки о пережитом / Сост. М.А. Семенов-Тян-Шанский, А.Ю. Заднепровская. СПб.: ООО «Анатолия», 2013. 340 с.
- Семенова-Тян-Шанская А.М., Яковлев М.С., Гогина Е.Е.* Памяти Елизаветы Александровны Буш // Ботанический журнал. 1963. Т. 48. № 2. С. 297–302.
- Сенченкова Е.М.* Владимир Николаевич Любименко (К 100-летию со дня рождения) // Бюллетень МОИП. 1975. Т. 80. Отд. биол. Вып. 3. С. 142–145.
- Слепкова Н.В.* Реорганизация Академии наук 1929–1931 гг. и Зоологический музей // Академический архив в прошлом и настоящем. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 292–302.
- Смирнов А.В.* Пётр Симон Паллас и Зоологический институт Академии наук // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 3. С. 107–129.
- Солдатенков С.В.* Сергей Дмитриевич Львов // Физиология растений. 1959. Т. 6. Вып. 2. С. 255–256.
- Сукачев Владимир Николаевич* / Вступ. ст. Б. В. Щербакова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. (Материалы к биобиблиографии учёных СССР. Сер. биол. наук. Ботаника. Вып. 3).
- Сухова Н.Г.* А.А. Бяльницкий-Бируля: письма из Русской полярной экспедиции (Подготовка к печати и комментарии) // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 84–97.
- Сытин А.К., Федотова А.А.* Коржинский Сергей Иванович // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 248.
- Траутфеттер Р.Э.* Краткий очерк истории Императорского С.-Петербургского ботанического сада // Труды Имп. Санкт-Петербургского Ботанического сада, 1873. Т. 2. С. 145–304.
- Федоров Ал.А.* Ботаническому институту им. В. Л. Комарова Академии наук СССР 250 лет // Ботанический журнал. 1964. Т. 49. № 11. С. I–VIII.
- Федоров Ал.А., Федоров Ан.А.* Памяти А.П. Ильинского // Советская ботаника. 1946. № 3. С. 208–211.
- Федотова А.А.* Российские ботанико-географы во «второй отечественной» // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 364–390.
- Федотова А.А.* Помологический сад д-ра Э.Л. Регеля и Я. Кессельринга // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / сост. Э.И. Колчинский, А.А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 387.
- Хахина Л.Н.* Эволюционные взгляды А.А. Еленкина // Проблемы новейшей истории эволюционного учения. Л.: Наука, 1981. С. 189–202.
- Шенников А.П.* Памяти Н.А. Буша // Ботанический журнал. 1952. Т. 37. № 5. С. 713–718.
- Юрцев Б.А.* Развитие идей и начинаний А.И. Толмачева в современной ботанике // Ботанический журнал. 1994. Т. 79. № 6. С. 1–18.
- Яковлев М.С., Смирнов Л.А.* Борис Константинович Шишкин // Ботанический журнал. 1963. Т. 18. № 5. С. 765–767.
- Kolchinsky E.I.* Nikolai Ivanovich Vavilov (1887–1943) // Darwin and Co. Eine Geschichte der Biologie in Portraits. Bd. 2. München: Verlag C. H. Beck, 2001. S. 77–94.

The Uneasy Merging of the Botanical Garden and Botanical Museum into the Botanical Institute

DMITRY V. GELTMAN

Komarov Botanical Institute of RAS, St. Petersburg, Russia;
geltman@binran.ru

The institution currently known as the Komarov Botanical Institute of the Russian Academy of Sciences was formally established in 1931 as the Botanical Institute of the USSR Academy of Sciences by merging of the Botanical Garden and the Botanical Museum of the USSR Academy of Sciences. Both merged institutions had their own long history. The Botanical Garden was established in 1714 as the Apothecary (Physic) Garden, since 1823 — the Imperial Botanical Garden, and since 1918 — the Principal Botanical Garden. The Botanical Museum was established in 1824 by separating the botanical collections kept in the Academy of Sciences and the Kunstkammer. The article deals with the process of merging the two institutions, and several new sources are published for the first time. It is shown that the majority of staff, especially in the Botanical Museum was satisfied by the *status quo* and only some scientists supported full merging of the garden and the museum. However, exactly this variant was accomplished. Further events have shown that this decision was the right one in terms of the development of botany in the USSR.

Keywords: Komarov Botanical Institute, Botanical Garden, Botanical Museum, Academy of Sciences of the USSR.